

ФОСКО МАРАЙНИ

ТАЙНЫЙ
ТИБЕТ

FOSCO MARAINI

SECRET
TIBET

ФОСКО МАРАЙНИ

ТАЙНЫЙ ТИБЕТ

БУДДЫ ЧЕТВЕРТОЙ ЭПОХИ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 294.3
ББК 86.35
М25

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Я.А. Галеевой*

Марайни Фоско
М25 Тайный Тибет. Будды четвертой эпохи / Пер. с
англ. Т.М. Шуликовой. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2013. — 347 с.

ISBN 978-5-521-78990-0

Известный ученый и путешественник Фоско Марайни глубоко изучил тибетскую культуру и религию. Его книга — плод длительного и необычайно увлекательного путешествия в Тибет, на корабле, поездом, а затем караванным путем в Лхасу — написана языком настоящего мастера слова. Побывав в тибетских монастырях, Марайни описал их обитателей, уклад, традиции, мистические ритуалы и подчас забавные особенности быта. Любуясь чортенами, символическими изображениями всей ламаистской космогонии, автор объяснил их смысл и значение для тибетской религии. Он также представил подробности жизни всех слоев тибетского общества от крестьян до светской и религиозной знати. Особое внимание Марайни уделит понятию ламаизма, и прежде всего личности того, кто инициировал великое движение, — Гуатаме Будде Пробужденному.

УДК 294.3
ББК 86.35

ISBN 978-5-521-78990-0

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2013
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2013
© ЗАО «Центрполиграф», 2013

Вместо предисловия

Дорогой Фоско!

Я только что прочел вашу книгу о поездке в Тибет. Я читал книги многих путешественников, писавших о Крыше Мира и неприступных подступах к ней в горах и пустынях. Даже моим любимым путешественникам, французцу Эваристу Гюку сто лет назад и японцу Экаи Кавагути недавно, не удалось, как удалось вам, заставить меня забыть о том, что я не рядом с вами. Только «Покинутая Аравия» Дауги, «Долина убийц» Фрейи Старк и «Пустыня Гоби» Милдред Кейбл так же увлекали меня за собой, как ваша книга. Я промокал насквозь, промерзал до костей, меня воротило от вони и тошнило от еды, я падал от усталости, вдыхал свежий, полный озона утренний воздух и радовался теплу летнего дня. Но в первую очередь я был вместе с вами, когда вы говорили с тибетцами, мирянами и духовенством, мистиками, учеными, богословами, скоморохами, лавочниками, нищими, ремесленниками и художниками, священниками-пролетариями и монахами, крестьянами и пастухами. Как и вы, привыкнув к их великолепным одеяниям, их грязи, их лохмотьям, их вони, я встретил собратьев, необычайно похожих на нас самих.

В культурном смысле это наилучшая рекомендация для путешествия. Очень трудно преодолеть укоренившееся убеждение, почти что аксиому, что мы — единственные в мире есть рациональные люди и что никакой иностранец, даже из западной страны, не похож на нас. Нужен готовый на сопереживание и продолжительный контакт, чтобы мы поняли, что есть люди такие же добрые, верные и умные, какими, несомненно, мы считаем себя.

Для этого необходимо путешествовать, как странники, как вы путешествовали по Тибету, а не так, как все чаще делаем мы сейчас, словно письма в плотно запечатанных конвертах, так называемых «скорых поездках» или, того хуже, самолетах, не видя и не

слыша ничего, кроме лязга и свиста транспортного средства, доставляющего нас от одного делового или любовного предприятия к другому в фальшивой одинаковости — одинаковости, рассчитанной на то, чтобы если и не отвергать, то игнорировать духовные запросы или простое любопытство какого бы то ни было рода.

Хотелось бы ожидать, что путешествие в старинном смысле слова не закончится для молодых обнищавших наследников культуры, которые ходят в походы, «зачарованных странников», которые ночуют в хостелах и под открытым небом, смотрят и видят, наслаждаются, и слушают, и учатся.

Как хорошо вы пишете! Как удается вам передать всевозможные сведения, и ощущения, и ответную реакцию! Вы смогли внушить мне желание пофлиртовать с молодой сиккимской принцессой, наполовину европеизированной, но при этом с тоской стремящейся в Лхасу не как в священный город, каким он предстает для европейцев, а как в модный, предающийся удовольствиям Париж. А ваш обратный полет из Индии в Италию, из Калькутты в Рим, какие ассоциации, чего стоят одни только названия мест, над которыми вы пролетали!

До сей поры расстояние придавало прелесть названиям стран и городов, рождало тоску — *dahin*, туда — по дальнему, почти недостижимому, недоступному, добраться до которого потребовалась бы смелость, сноровка, большие средства и удача, а еще и хитрость. Да и время — этот Шива, хранитель и разрушитель всего сущего, — сейчас все больше и больше и еще больше не принимается в расчет, только что не отменяется, современным транспортом.

Как-то Итало Бальбо сошел с самолета в Гадамесе и спросил у шейхов, которые собрались оказать ему почести, сколько времени уходит на путь до Триполи. «Двадцать восемь дней». — «Я прилетел сюда за три часа». — «А что же ты делал остальные двадцать семь дней?» Они жили в пути. Он только совершил перелет.

Есть, пожалуй, значительная разница между прошлым и настоящим. Сейчас мы живем не как условие независимое от сознательных действий, то только, если вообще, в промежутках между действиями.

Это не ваш случай, и позвольте мне еще раз поздравить вас и поблагодарить за все те интереснейшие наблюдения и указания, которые дала мне ваша книга.

Искренне ваш,

Бернард Беренсон

Вилла Татти, Сеттиньяно, Флоренция

ТАЙНЫЙ ТИБЕТ

БУДДЫ ЧЕТВЕРТОЙ ЭПОХИ

Глава 1

ИЗ НЕАПОЛЯ К ЙОГАМ

Неапольская гавань: перепихивая книги

На набережной у небольшого судна большая суматоха.

Из Рима прибыл грузовик с багажом для экспедиции, и повсюду сложены ящики, мешки и коробки с ярлыками «Экспедиция профессора Туччи в Тибет». Кран поднимает все это на борт, а один из помощников профессора, вооруженный очками, карандашом и блокнотом, внимательно все проверяет с видом человека, который разбирает тохарские глаголы в какой-нибудь древней рукописи или расшифровывает редкие китайские иероглифы.

Мы с женой приехали туда в последний момент в машине Пьеро Меле. Мать Пьеро попрощалась с ним в гостинице. Как это разумно! Прощаться на вокзале — еще куда ни шло, но прощаться в порту — это просто ужас. Когда покидаешь любимых людей, гораздо лучше попрощаться раньше, не дожидаясь бесконечно, пока отойдет корабль. Именно в таких обстоятельствах я в последний раз видел свою мать, давным-давно в 1938 году, когда уплывал из Бриндизи в Японию и она осталась стоять на набережной. Разошлись уже последние любопытные зеваки, последние таможенники вернулись в свои конторы, но она все стояла, маленькая, тонкая, одинокая фигурка

на берегу. Почти стемнело, а она все стояла. Я смотрел на нее, она смотрела на меня, и потом я больше уж ее не видел. Я больше никогда ее не видел.

Тем временем собрались поднимать трап. Весь багаж на борту. У Джузеппе Туччи, известного итальянского исследователя, осталось две минуты. Он, как подобает, появляется, прощается со своими ассистентами, приехавшими из Рима его проводить, с сыном, который машет ему платком, с несколькими неаполитанскими друзьями, которые спустились в гавань ради такого случая. Он невысок, ему лет пятьдесят пять, у него странная голова философа с буйной шевелюрой и усами. По правилам, он должен быть одет в манере больше напоминающей восьмидесятые, но внешность не очень его интересует. Под мышкой у него, как всегда, книга. Я готов поклясться, что через пять минут он пристроится где-нибудь в уголке и станет ее читать. Читать? Неправильное слово. Чтобы верно описать процесс, нужно какое-нибудь другое слово, вроде «перепаживать». Да, Туччи перепаживает книги. Я часто наблюдал за ним. Он усеивает их карандашными заметками, подчеркивает абзацы, читает вслух заголовки глав, приходит в ярость, когда автор допускает какую-нибудь глупость, или восклицает «Черт возьми!», если фраза вызвала его искреннее одобрение. Потом, когда книга отдаст все, что может, как пшеничное поле после жатвы, она падает на палубу, выжатая и истощенная.

В море: Вильдо и начало всего

Вильдо наскакивает на меня и лижет руки.

Этот Вильдо — из тех собак, которые чем уродливее, тем больше от тебя требуют ими восхищаться. О его масти, какой-то блеклой буро-фиолетовой, чем меньше говоришь, тем лучше; что касается густой шерсти, ко-